

©Фото Жанны Киппер, 2020

Сергей Криворотов

ВНЕ ПРОТЯЖЕНИЯ

Из частной жизни реаниматора

Станислава Веткина

Роман

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К82

Криворотов, С.

К82 Вне протяжения / С. Криворотов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 310 с.

ISBN 978-5-521-73863-2

Середина 80-х годов прошлого века, Москва, Ленинград, Таллин, Крым. Участника лечебного эксперимента реаниматора Стаса Веткина обвиняют в халатности. Жена уходит к другому. Его делают показательной жертвой кампании за трезвость. Выручает пациент — партийный функционер.

Трагична и судьба реанимированного им больного. Попытка создания «нового человека из старого материала» оканчивается неудачей. Лишь воспитание едва не потерянного сына и отношения с любимой становятся для Станислава главным в жизни.

Для всех интересующихся не только проблемами нейропсихологии, медицины и жизни медработников, но и реальной атмосферой первых лет перестройки в СССР.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73863-2

© Криворотов С., 2021
© Киппер Ж., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

От автора романа «Вне протяжения»

В советское время редкая книга выходила без предисловия людей, не имевших никакого отношения ни к автору, ни к содержанию, а то и вовсе к литературе. Жонглирующие официальной идеологией прикормленные критики и бдительные цензоры (нередко в одном лице), кромсали тексты то ли по шаблону, то ли по собственному произволу. И не за стилистику или ошибки они беспокоились, а как бы читатель не подумал, чего думать ему не надо. Такая опека выглядела оскорбительно, будто читателя считали за слабоумного, которому всё надо разжевать и в рот положить. Вовсе не из подобных побуждений написаны несколько строк «впереди паровоза».

Всё больше домислов о днях, в которые жил и действовал герой «Вне протяжения», простой советский врач-полуинтеллигент Станислав Веткин. Многие замалчивается или искажается о первых годах «перестройки», гласности и нового мышления, как и том, что им предшествовало. Теперешняя молодёжь и представить не может, насколько полнее духовно и цельнее жили люди в те годы в нашей стране, несмотря на «железный занавес», зажим правдивой информации о всём происходящем, дефиците вся и всё. Многие не смогли и не захотели так продолжать, что стало их собственным выбором. Другой вопрос, кто их одурачил, и к чему это привело.

А Стас Веткин жил и работал в то самое время гротескно-уродливой борьбы с алкоголизмом, длинными очередями за водкой и туалетной бумагой, за подписными изданиями западных классиков, детективами и фантастикой с писанием порядковых номерков на ладонях под бесконечное трескучее враньё с высоких трибун. Просто привычно делал своё дело, как и миллионы других граждан. Всё так и происходило. Потому выдуманное в романе, но вполне возможное средство для лечения умирающих клеток мозга с его не изученными последствиями нисколько не искажает реальной картины.

Заголовками большинству глав послужили строки стихов разных авторов. В компании классиков и корифеев Омара Хайяма, Шекспира, Иосифа Бродского, Джона Леннона и Константина Никольского с Виктором Цоем вы встретите и незаслуженно забытых советских поэтов-песенников, создававших на самом деле всенародно любимые тексты на музыку. Это вовсе не рекламный ход, чтобы привлечь внимание. Сейчас может показаться странным, но люди тех лет нередко не только подолгу жили с полубившимися музыкальными строчками, но и следовали им в своих поступках. Тогда в действительности песни «строить и жить помогали». Сочи-

нявшие их отражали в точных и ёмких словах окружающее, свои чувства и чаяния, понятные и разделяемые всеми. Потому такие песни воспринимались гораздо более реальными и значимыми руководствами, чем насаждаемые на каждом шагу «Слава КПСС!» и тому подобное, в конце концов, осточертевшие и самим придумывателям нелепостей. Потому такие заглавия тоже свидетельства того времени. Печально представить, как автор будущего, описывая наши дни в романе или повести (если такие будут ещё возможны и востребованы) использует для заголовков вопли теперешней попсы. *«Вите надо выйти», «В Питере – тить!», «Я с неба упала и все дела. Три дня умирала – не умерла!»*. Интересно, сколько тех, кто ещё сохранил навык чтения, захочет пользоваться им для подобного?

В описании научного открытия и судьбы профессора Павловского в романе использована реальная трагедия Феликса Белоярцева, получившего степень доктора медицинских наук в тридцать с небольшим лет. Изобретённая им «голубая кровь», плазмозаменитель на основе перфторуглеродов, ещё на стадии клинических испытаний спасла жизнь не одному десятку наших солдат в Афганистане, обречённых из-за массивной кровопотери. Да и не только им. Несмотря на актуальность проблемы и положительные результаты, дальнейшие испытания перфторана с 1985 г. были полностью запрещены. Самого изобретателя обвинили в различных нарушениях, в том числе в воровстве и продаже спирта из руководимого им института (!) В том же году затравленный потенциальный номинант на Нобелевскую премию по медицине скончался при до сих пор не выясненных до конца обстоятельствах. По официальной версии «самоповешение». Но многие считали и считают, что его просто профессионально устранили.

Незадолго до его кончины автор лично встречался с Феликсом Фёдоровичем. Энергичный, полный научных идей, амбициозный и успешный доктор наук никак не производил впечатления скорого суицидника. После его смерти разработку «голубой крови» в СССР прекратили. А вскоре аналоги под другими названиями появились в Швеции и Японии. У нас их приобретали и приобретают оттуда уже по баснословным ценам, а собственное ограниченное производство стало возможным только недавно...

И это ещё одна из реалий описываемого в романе времени. О прочем судить самому читателю... Только ещё одно, вроде бы незначительное пояснение. В тексте и в аннотации – «Таллин», именно так общепринято именовалась в СССР столица Эстонии. И это ещё одна косвенная примета того времени. Лишь в одной ссылке на постсоветское стихотворение Юрия Лореса стоит уже «ТАЛЛИНН», как стало принято после провозглашения независимости прибалтийской республики.

*«Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо».*
Велимир Хлебников.

1. «ЖИЗНИ СЧЁТ НАЧНЁТСЯ С ЭТОЙ НОЧИ»¹

– Всё! – устало выдохнул Зиновий и отключил блок энцефалографа. Возражений не было. Односложное «Всё!» ни для кого из присутствующих не требовало дополнительных пояснений.

Четыре пары глаз не отрывались от едва дрогнувшего напоследок теплового пера энцефалографа с фатальным упорством чертившего одну прямую линию. Ритмично мигала зелёная лампочка кардиомонитора, вязкую тишину ремзала зала пробивали только монотонные всхлипы-вздохи и звонко-металлические хлопки клапанов аппарата искусственной вентиляции лёгких.

Станислав Веткин поймал вопросительный взгляд медсестры Алочки, соорудил кислую гримасу, сопроводив удручённым пожатием плеч: впустую старались, как видишь... Он снова посмотрел на пятого в помещении, распластанного перед ними, запоздало озвучил одними губами:

– Шабаш!..

На функциональной кровати мужчина средних лет с присосавшимися змейками проводов больше не подавал признаков жизни. Глаза закрыты, лицо без единой кровинки, словно гипсовая маска, отражение иного мира. Грудь обманчиво размеренно вздымалась, но то лишь механизм дышал за больного через вставленную в рот пластиковую трубку интубации. Только само сердце газло всему работало чётко, как ему и положено по жизни, заставляя световой зайчик на экране прыгать через невидимый барьер смерти.

Персонал возле койки, два реаниматора, анестезиолог и медсестра уже не воспринимали его живым человеком. Клетки коры

¹ – Иосиф Бродский «Волхвы пришли. Младенец крепко спал»

мозга пациента необратимо погибли, и перед ними находился уже некий биологический субстрат, телесная оболочка, лишённая наполнявшей её совсем недавно личности, что на языке реаниматоров называется просто «аппаратом сердце-лёгкие».

– Что ж, случай как раз подходящий ... – внезапно озвучил Зиновий Александрович и без него заседавшее в голове Стаса.

Заведующий отделением, точнее исполняющий его обязанности, снял марлевую маску, вытер пот со лба под накрахмаленной шапочкой и демократично предложил, уверенный наперёд в общем ответе:

– Так что? Звоним? Все согласны?

«Ну, Зина-Зинуля, зачем спрашивать? И так всё ясно! Зачем время терять?» – ничего не произнося вслух, поморщился Станислав.

Из института экспериментальной реаниматологии просили о каждом подобном факте сообщать в любое время суток. После почти часовой борьбы за жизнь тело удалось завести, заставить биться сердце, дышать лёгкие, но клетки мозга успели безнадежно погибнуть – произошла декортикация, никаких шансов на возвращение к прежней жизни. В обиходе о подобных пациентах говорят: «овощ», «растение».

Зиновий вернулся через несколько минут.

– Сейчас подъедет Павловский из Центра регенерации, аппарат не отключать. Аллочка, как давление?

Сестра прижала к локтевому сгибу безразличного ко всему больного пьезоэлемент, накачала манжетку и бодро сообщила высветившиеся цифры:

– Сто двадцать на семьдесят.

– Так. Можно передохнуть, только установи на сатурацию кислорода и давление через каждые пятнадцать минут. Софья Андреевна, сообразите, пожалуйста, чайку.

Женщина-анестезиолог привычно кивнула и бесшумно удалилась из реанимационной. Кто же лучше её сможет сейчас это сделать?

– Зиновий Александрович, там ждёт его жена...

Зиновий двинулся было за Софьей Андреевной, но, вспомнив что-то, чертыхнулся вполголоса и остановился.

– Аллочка, будь другом, передай, пусть подождёт. Подробностей не надо, сообщи только – состояние крайне тяжёлое. И чтоб не ушла, пока не приедет профессор, может понадобится её письменное согласие. Ну, сама знаешь, что сказать...

Исполнительная медсестра посмотрела на заведующего преданными глазами: эх, если бы не работа...

– Хорошо, Зиновий Александрович, сейчас! Уже иду, лечу-лечууу...

Глубокая ночь. Все нормальные люди давно спят перед новым рабочим днём на просторах одной шестой части суши во всех часовых поясах, даже на Камчатке и Дальнем Востоке, самых близких к наступлению утра. Только где-то неугомонно трудятся ночные бригады на заводах непрерывного цикла, стерегут небесные границы дежурные смены ПВО, а морские глубины бороздят грозные рыбыны атомных подлодок. Взлетают и садятся в сигнальных огнях самолёты на военных аэродромах и в гражданских аэропортах. Нарушая покой опустевших проспектов, спешат к неведомым целям частники и такси с зелёными глазками, светящимися и погасшими. Одинокие запоздалые пешеходы возвращаются откуда-то по замершим улицам и площадям громадного города, неся в себе воспоминания недавнего и заботы о будущем. Вялотекущая ночная жизнь огромного Мегалополиса, погружённого в царство сна, нереального иллюзорного мира, исчезающего с рассветом в водовороте движения... Но сейчас глубокая ночь царит повсюду, она одна безраздельно властвует над городом, не деля ни с кем ни одной его пяди.

Только здесь в ординаторской полуподвального этажа реанимации не спят трое мужчин и женщина в белых халатах. Кто-то заваривает чай, кто-то озабоченно перебирает бумажные ленты и подшитые листы – детальное отражение последних дней и часов мужчины с только что умершим мозгом. Один из присутствующих – доктор медицинских наук, профессор Павловский. Он закончил осмотр безнадежного по всем обычным показателям пациента и теперь, сидя за столом, сосредоточенно через стёкла очков с тонкой позолоченной оправой сверяет данные. Ленты кардиограмм выются по столу перед ним змеиными кольцами, с которыми расправляется

современный витязь от медицины. Впрочем, вид у него вовсе не богатырский, худощавый подвижный мужчина с поредевшей, начинающей седесть шевелюрой. Остальные со скрытым нетерпением ждут вердикт светила науки, борются каждый по отдельности с настойчиво подкрадывающейся дремотой.

Бодрствуют не только эти четверо, но и вся ночная смена за стенами комнаты, каждый на своём месте. Дежурство не экстренное, но такие случаи для них не впервой, им не привыкать. В тревожном ожидании ещё и молодая светловолосая женщина с усталым измученным лицом в чёрном кожаном пальто, одна в гулком вестибюле за дверью с кодовым запором. Её застывшие глаза устремлены на потрескавшуюся, с коричневым узором плитку пола, длинные маникюренные пальцы живут отдельной жизнью, бесцельно и безостановочно теребят ручку дорогой импортной сумочки строго в тон одежды.

Это жена того пациента, почти вдова, или как ещё можно точнее определить её теперешний статус? И только тот, кто оставался по закону её мужем, самостоятельно живущим полноправным гражданином сорока одного года, не ждёт уже ничего, ему нечем ждать, ему всё равно, и теперь ни до кого нет дела. Но она ещё не знает об этом, только чувствует что-то неладное, пугающая неизвестность физически гнетёт её.

Громкий щелчок заставил посетительницу вздрогнуть. Приоткрылась дверь, и в вестибюль вышел молодой врач в белом халате. Коротко стриженные волосы спрятаны под шапочку, из бокового кармана выглядывала чёрная трубка фонендоскопа, прищуренные глаза захватили в прицел одинокую посетительницу.

Женщина уже видела этого доктора, в последние дни он грузил её ненужными подробностями о состоянии мужа, уклоняясь от обещаний, и ничем не обнадёживая. И теперь без труда поняла – наконец-то у него есть сообщить нечто важное для неё. Всё похолодело внутри, она ощутила себя совершенно беспомощной и бесправной представительницей слабого пола, едва ли не прежней давно оставшейся в прошлом маленькой девочкой, от которой абсолютно ничего не зависело. Но, нашла силы подняться с жёсткой деревянной скамьи, непослушными ногами сделала шаг навстречу.